

Гражданская лирика А.А. Ахматовой

Учитель ГБОУ СОШ №643 С.Л. Крапивина

Памяти 19 июля 1914 года

Мы на сто лет состарились, и это Тогда
случилось в час один. Короткое уже
кончалось лето, Дымилось тело
вспаханных равнин.

Вдруг запестрела тихая дорога, Плач
полетел, серебряно звеня... Закрыв лицо,
я умоляла Бога До первой битвы
умертвить меня.

Из памяти, как груз отныне лишней,
Исчезли тени песен и страстей. Ей,
опустевшей, приказал Всевышний Стать
страшной книгой грозových вестей.

1916

Найдите тропы.

Памяти 19 июля 1914 года

Мы **на сто лет состарились**, и это Тогда
случилось **в час один**. Короткое уже
кончалось лето, **Дымилось тело**
вспаханных равнин.

Вдруг запестрела **тихая** дорога, **Плач**
полетел, серебряно звеня... Закрыв лицо,
я умоляла Бога До первой битвы
умертвить меня.

Из памяти, как груз отныне лишней, Исчезли
тени песен и страстей. Ей,
опустевшей, приказал Всевышний Стать
страшной книгой грозových вестей.

Молитва

Дай мне горькие **годы недуга**, Задыханье,
бессонницу, жар, **Отыми и ребёнка**, и
друга, И таинственный
песенный дар - Так **МОЛЮСЬ** за Твоей
литургией После стольких
томительных дней, **Чтобы туча над**
тёмной Россией **Стала облаком**
в славе лучей.

1915

Мне голос был. Он звал утешно,
Он говорил: «Иди сюда,
Оставь свой край, **глухой** и **грешный**,
Оставь Россию навсегда. Я
кровь от рук твоих отмою, Из
сердца выну чёрный стыд, Я
новым именем покрою Боль
поражений и обид.»

Но **равнодушно** и **спокойно**
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной Не
осквернился скорбный дух.

1917

Когда в тоске самоубийства
Народ гостей немецких ждал,
И дух суровый византийства
От русской церкви отлетал,

Когда приневская столица,
Забыв величие своё,
Как опьяневшая блудница,
Не знала, кто берёт ее,—

Мне голос был. Он звал **утешно**,
Он говорил: «Иди сюда,
Оставь свой **край, глухой** и
грешный,
Оставь Россию навсегда.

Я кровь от рук твоих отмою,
Из сердца выну черный стыд,
Я новым именем покрою
Боль поражений и обид».

Но **равнодушно** и **спокойно**
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился **скорбный дух**.

***Почему без первых двух строф
стихотворение стало более
выразительным?***

Не с теми я, кто бросил землю
На растерзание врагам.
Их грубой лести я не внемлю,
Им песен я своих не дам.

Но вечно жалок мне изгнанник,
Как заключённый, как больной.
Темна твоя дорога, странник,
Полынью пахнет хлеб чужой.

А здесь, в глухом чаду пожара
Остаток юности губя, Мы
ни единого удара Не
отклонили от себя.

И знаем, что в оценке поздней
Оправдан будет каждый час... Но
в мире нет людей бесслёзней,
Надменнее и проще нас.

1922

А.А. Ахматова о том, что было бы, если бы русская интеллигенция не уезжала в эмиграцию:

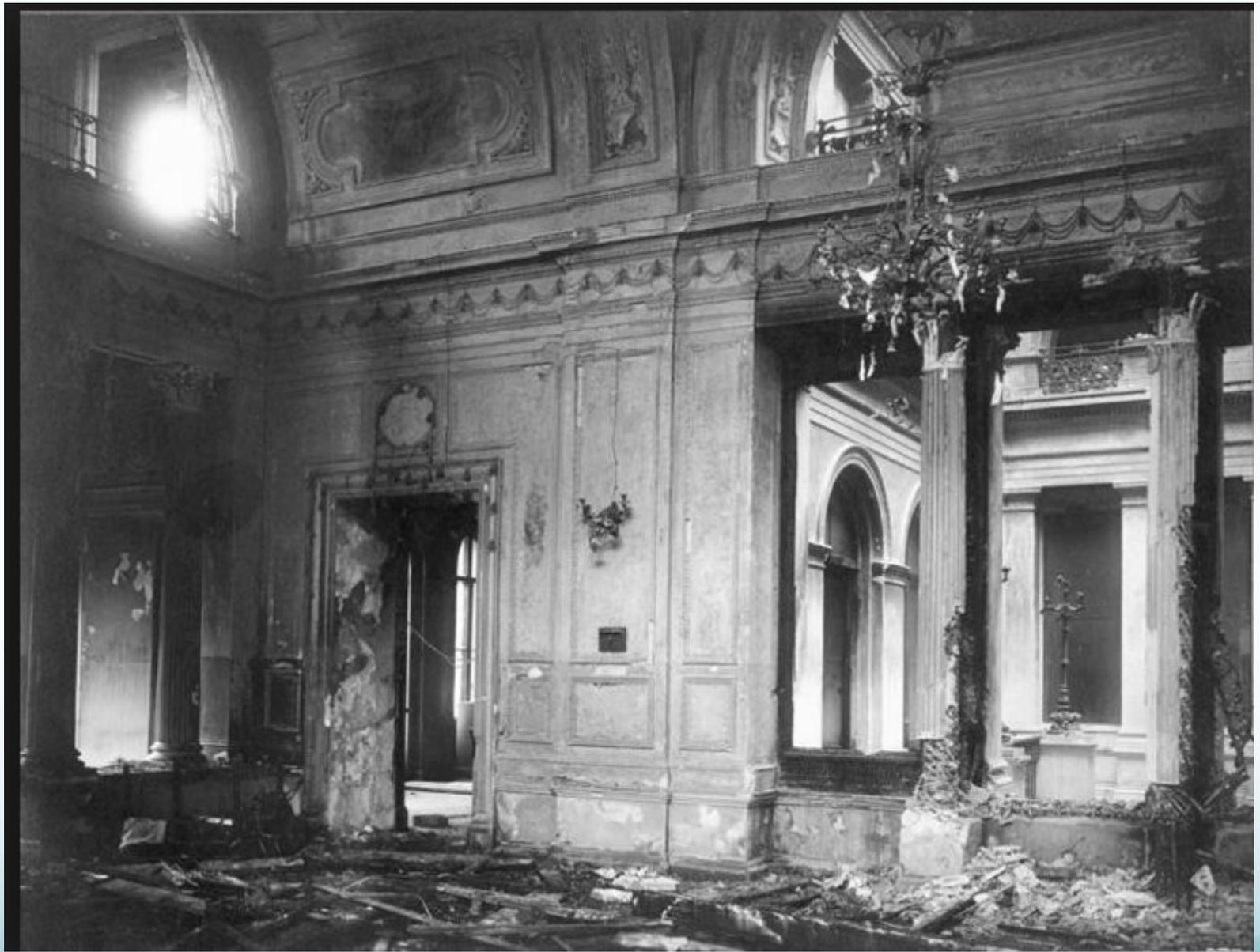
«...Была бы общественность, сейчас её нет, потому что слишком мало людей осталось. А тогда пришлось бы считаться. Те, кто уехал, спасли свою жизнь, может быть, имущество, но совершили преступление перед Россией.»

Не с теми я, кто бросил **землю**
На растерзание врагам. Их
грубой лести я **не внемлю**, Им
песен я своих не дам.

Но вечно **жалок** мне изгнанник, Как
заключённый, как больной. Темна
твоя дорога, **странник**, **Полынью**
пахнет хлеб чужой.

А здесь, **в глухом чаду пожара**
Остаток юности губя, Мы ни
единого **удара** Не отклонили
от себя.

И знаем, что **в оценке поздней**
Оправдан будет каждый час... Но в
мире нет людей бесслёзней, Надменнее
и проще нас.

«Родная земля» – стихотворение, написанное в 1961 году – почти через 40 лет после стихотворения «Не с теми я, кто бросил землю...»

Вспомнив стихотворение «Не с теми я , кто бросил землю...», внимательно прочитайте стихотворение «Родная земля» и коротко ответьте на вопрос:

ЧТО ДЛЯ АХМАТОВОЙ РОДИНА?

И в мире нет людей бесслезней,
Надменнее и проще нас.

1922

В заветных ладанках не носим на груди,
О ней стихи навзрыд не сочиняем,
Наш горький сон она не бередит,
Не кажется обетованным раем.
Не делаем ее в душе своей
Предметом купли и продажи,
Хворая, бедствуя, немотствуя на ней,
О ней не вспоминаем даже.

Да, для нас это грязь на калошах,
Да, для нас это хруст на зубах.
И мы мелем, и месим, и крошим
Тот ни в чем не замешанный прах.

Но ложимся в нее и становимся ею,
Оттого и зовем так свободно — своею.